

Время провинции***От переводчика***

Кшиштоф Чижевский (Krzysztof Czyżewski) — видный польский общественный деятель, основатель культурного фонда «Пограничье — искусств, культур, народов» в г. Сейны и издатель одноимённого журнала, признаваемый нынешним поколением польских интеллектуалов в качестве духовного лидера. Предлагаемый текст (*Czas prowincji*) представляет собой доклад, подготовленный К. Чижевским для конференции «Культура и образование в XXI веке в Центральной и Восточной Европе» (в замке Красичин близ Пшемысля, 13-15 июня 2002 г.). Поскольку время было ограничено, К. Чижевский не зачитал доклад, а распространил его среди участников конференции в распечатанном виде. Позже он был опубликован в польском журнале «Znak» (№7, 2002).

Основная мысль близка нашей проблематике: роль и место пограничья культур в межкультурном диалоге, взаимоотношения провинции и центра, диалектика глобального мира и сохранения собственного лица. В тот момент она для Польши приобрела особую актуальность. Страна только ещё готовилась вступить в ЕС, и польская интеллигенция оживлённо спорила: а как же быть с той самой национальной идентичностью («польщицзой»), за которую боролись последние двести лет? Неужели просто выбросить её в общеевропейский котёл и признать, что столько жертв было принесено зря? Что вся история целой нации с 1795 по 2003 год была просто ошибкой? Это было бы духовным самоубийством, но что делать тогда? И мнение большинства поляков склонялось к тому, что малые регионы способны лучше защитить самобытность, чем большое государство. Эту же цель преследовала и административная реформа 1999 года: страна была разделена на 16 воеводств, которым и была передана почти вся власть на местах. За центром были оставлены только функции внешней политики, обороны и немногие другие, а воеводы превратились чуть ли не в простых наблюдателей президента при сеймиках (местных парламентах). Одновременно начала издаваться массовая литература под рубрикой «Małe ojczyzny» («Малые родины») и был запущен целый ряд местных проектов. В этой-то атмосфере и был написан доклад К. Чижевского, хотя его деятельность в Сейнах, маленьком городке на стыке границ Польши, Литвы и Белоруссии, началась гораздо раньше — ещё до 1989 года.

Перевод с польского: к.и.н., доцент Леонид Авраамович Масионжик

1

Польша провинциальна. Мы провинциалы, ибо так, а не иначе представили себя миру после 1989 г. То, что мы ещё недавно были сельским обществом, что пережили великие миграции из сёл в города, с востока на запад, что было у нас трудное детство, что коммунистическая система обанкротилась, а капиталистическая оказалась победительницей на мировом рынке — всё это имеет гораздо меньшее значение, чем наше отношение (*stosunek*) к тому, что

было и что есть. Так кто же такой провинциал? Человек, которого место жительства наделяет комплексом неполноценности. Пытаясь вылечиться от него, он ищет свой центр где-то не там, где пришлось ему жить. И не то худо, что смотрит с чужой точки зрения, что познаёт иной мир и переносит его в места своего проживания. Проблема в том, что своего места он не любит, стыдится его, скрывает (*wspycha w sferę skrytości*) (хоть и надевает маску стопроцентной светскости), и поэтому не знает его как следует, не пытается высвободить и использовать дремлющий в нём потенциал. Такой человек — провинциал, потому что мир, который он создал для себя или к которому пристал, отбирает у него место, в котором он живёт. А ведь именно это пространство — со своим неповторимым пейзажем, сплетением судеб и свидетельств, ничтожеством и величием, потайными сторонами и блеском — его шанс добиться непровинциальности.

2

Хотел бы, чтобы Польша стала провинцией. Хотел бы, чтобы открываемые в разных регионах и закоулках Польши «новые провинции» победили в ней дух провинциализма. Кажется, только они это смогут. Так, как это сейчас происходит в Нью-Йорке. В этой огромной метрополии, которая — как пророчили уже не раз — давно уже должна была погрязнуть в смертоносных отбросах меркантилизма, каждую минуту появляется новая провинция, где пробуждается жизнь. Я долго говорил с Йонасом Мекасом о том, как на рубеже 50-х и 60-х годов он вместе с Юргисом Мационасом и другими создавал ныне знаменитый нью-йоркский квартал Сохо. У них не было и гроша за душой. Они завладели заброшенным и разрушенным, а потому и дешёвым, уголком города. Но этим выходцам с сельских окраин Литвы, так же как их другу Энди Вархолю, родители которого добрались сюда из карпатской деревушки, именно это и было нужно, чтобы создать новый центр мирового авангарда. Их товарищи, пошедшие торным путём — на Бродвей или на Голливуд, — пропали безвестно.

Сегодня Сохо — это уже прошлое. Легко почувствовать, как творческая энергия переносится на Бруклин или объявляется на Бронксе. Но всё же не надо искать их только в целых кварталах. Перо Поля Остера, камера Вэйн Ванга и немного тоски по чему-то иному, чем фарватер (*mainstream*), — этого хватило, чтобы на углу пары улиц Бродвея возник новый мир — мир с собственным мифом, философией жизни, бизнесом и делом, с которым можно отождествить себя.

Именно это и есть провинция в моём понимании — новое поле для деятельности. Сама по себе она немного может предложить. Поэтому для тех, кто сразу рассчитывает на большие прибыли, она неприступна. Всё, что в ней можно сделать, должно быть построено с нуля. Всё, что она может нам предложить, — это земля, лежащая без дела, опустошение или дикость, атмосфера заката и ожидания. Можно найти для себя провинцию в среде природы, не затронутой цивилизацией, можно на руинах и реликтах цивилизованного мира, но и в том, и в другом случае ей будет присуща девственность, неповторимый вкус первых шагов по только что открытой

тропке. В их силе и значении убеждаются особенно те, которые, упорно держась старого центра, лишаются участия в том, что первично, и прибывают всегда слишком поздно.

Сила начала, потребность перемен, воля к новому, — всё это свидетельствует, что провинция есть открытое поле. Вместо того, чтобы выжидать и жаловаться на ветер, дующий в глаза, стоит оценить её потенциал и уловить момент, ибо провинция принимает чутких и вслушивающихся в пульс жизни. Её дела — это история загубленных случаев и использованных шансов.

3

Разрушение берлинской стены в 1989 г. открыло новое поле деятельности. Настало время провинции. Появился шанс выхода в путь, открытия новых земель, строительства с самого начала. Свидетельства, на которых я основываю это размышление, связаны с опытом горстки людей, выброшенных событиями «осени народов» из седла старого центра, людей, которые двинулись на Восток и заложили в Сейнах на Сувалщине инициативу «Пограничье». Кроме того, весьма важны для моих рассуждений работы Марии Янион (написанные отчасти совместно с Марией Жмигродской), её рефлексия над угасающей романтической парадигмой в польской культуре и концепция *Bildung*. В замечательной книге о «Годах странствий Вильгельма Мейстера» Гёте М. Янион и М. Жмигродская напоминают, что *Bildung*, происходящее от первоначального «тесать», означает придание формы, и находят для него польское соответствие в слове «ukszałcenie» — оформление, сформирование. Именно о «сформировании» я и думал, когда оказался в Сейнах.

Время провинции требует поколения пионеров, практиков, людей с миссией, как бы смешно и старомодно это теперь ни звучало, поскольку вектор жизненных чаяний направлен в другую сторону: в поисках шансов на карьеру и лучшее будущее обращают стопы в салоны большого центра. Но для того, чтобы найти провинцию, не нужно пускаться в путь на дальние пограничья или вообще держаться вдали от больших городов. Новые провинции открываются теперь на рынке во Вроцлаве, на Казимеже в Кракове, в варшавской Праге¹, на пражском Жижкове и на вильнюсском Заречье. Везде тут можно оказаться в самом начале и заново овладеть пространством, ждущим пробуждения и «сформирования». Опыт «Пограничье» связан с овладением местом в бывшем еврейском квартале маленького городка с многокультурными традициями, где живут поляки и литовцы, городка с багажом всех трагедий, конфликтов, разрушений и идеологий XX века, с красивыми окрестностями (с поселениями старообрядцев, а чуть дальше — украинцев, выселенных сюда в рамках акции «Висла»²), где можно найти заросшие кладбища — еврейские, евангелические, православные, разрушенные дворы и дворцы, опустевшие монастыри, мосты, ведущие в никуда, дороги, обрывающиеся на границе. Эта окраина плавно переходит в пространство Центральной Европы, другой провинции, которую

¹ Прага — правобережный район Варшавы. — Прим. перев.

² Акция «Висла» — выселение украинцев из польской Галиции (район Бескид и Бещад) в северо-восточную Польшу в 1947 г. под предлогом борьбы с бандами «Украинской партизанской армии». — Любезное разъяснение К. Чижевского.

мы для себя открыли, сильно опустошённой, оставленной на обочине главных мировых событий, полной тайн и незавершённых дел, оставшихся от прошлого. Мне постоянно кажется, что тут есть почва для создания целой цивилизации, какой-то громадный шанс, который может быть использован, а может вообще-то и пропасть. Потому что перед жителями этих просторов постоянно стоят жуткие вызовы: покорение целого клубка проблем взаимопроникающих культур, малых народов, ненадёжных границ, совладание с наследством идеологии — националистической и коммунистической, поиск для себя новой формы и собственной идентичности (*tożsamości*). Это немного напоминает ситуацию формирования китайской цивилизации, о которой Арнольд Тойнби писал, что она «возникла как способ укрощения и приручения бурной и трудной реки».

Выступая в 1989 г. в дорогу, я отметил для себя такое место из «Частных обстоятельств» Чеслава Милоша: «Как польский писатель, прижатый к стене ленью и нетрезвостью, я не имею большого выбора: или признать себя последователем и подмастерьем западных стилей, или существом более разумным и трезвым, чем мой западный соперник». Чтобы не было неясности: этот «западный соперник» был и остаётся моим партнёром во многих важных делах, в том числе и в деле европейской интеграции, но он остаётся соперником в деле высвобождения из провинциальности. Знаю, что я должен с ним побороться.

4

Почему время провинции наступило с 1989 годом? Или раньше открытие провинции и овладение ею было невозможно? Боюсь, что в смысле, в котором я понимаю эти слова, сделать этого не удалось. Была провинция, которую великолепно открывали журналисты, например, Рышард Капусьцинский в «Буше по-польски» или среда белостоцких «Контрастов». Информация, полученная таким путём, часто очень критическая и необходимая, касалась системы, в которой мы жили, но она не вела к строительству новой провинции. Этого не позволял властный аппарат режима. В условиях тогдашней действительности можно было создавать убежища, андеграунд и какой-нибудь род «жизни на острове». Но провинция, о которой я пишу, — не остров, отдалённый от мира. Мне кажется, что многие думают о провинции как о спокойном, изолированном от мира оазисе, в котором можно схорониться, спасаясь от мук, характерных для жизни в центре. В то же время именно провинция создаёт аутентичную возможность проникновения в мир и его сотворения (*współtworzenia*)³, в чём можно было убедиться после падения коммунистической системы. Очевидное вновь стало достижимым (*osiągalne*). И уже не только посредством «общих идей» интеллектуалов, но также через практику, погружённую в течение жизни конкретной общности.

Этого нам больше всего недоставало — свободного акта творчества, уходящего корнями в жизнь сообщества (*wspólnoty*) и развивающегося в

---

³ В этой связи стоит вспомнить эссе Дж.Р.Р. Толкиена «О волшебных сказках», где фантазия и художественное творчество несколько раз определяются как *sub-creation* — в русском переводе: «под-создание, соучастие в творении». —Прим. перев.

постоянном диалоге с ней. Во время работы в Сейнах нас часто привлекали к суду за «идеологически ошибочные» (nieprawomyślne) публикации, на нас часто нападали в прессе, выступал с критикой тот или иной политик, кто-то боролся с нами из идейных побуждений или из чистой людской зависти, но всё это не было нам преградой с точки зрения динамики органичной работы. Контакт с молодыми людьми, диалог поколений, труд над восстановлением памяти, идентичности (tożsamości) малых родин, этоса пограничья, разрушенных мостов в Центральной Европе, и, в конце концов, борьба с «западными соперниками» за собственную оригинальность — всё это постоянно излечивало нас от страха, что нас задушат клещи какой-нибудь идеологии. Не было времени задумываться, в центре мы или на периферии. Не было изоляции людей искусства, которые, живя в «альтернативе» или в «собственном мире», время от времени показывают людям представление, концерт или выставку. Была культура, основанная на участии в со-творении, ангажированная обществом и сочетающая культурную работу с широкой просветительской программой. Была практика, постоянно связанная с очевидными проблемами, с которыми мы столкнулись на пограничье, которые длятся не день-два, а месяц, год, много лет. В нашей истории последних столетий, сотрясаемой внезапными срывами, недолгими победами и тянущимися в бесконечность поражениями, такая претензия на длительность (takie przedarcie się do pasma długiego trwania), хоть бы и была она только зачатком без всяких гарантий отдалённого будущего, есть уже нечто необычное.

Провинция, покорённая свободным творческим актом, открывает новые перспективы, в которых жизнь и мир ценностей обретает язык практики. Традиция позитивизма, органицизма (organicznikowska) приобретает новое значение. Это ли не шанс на появление у нас в новой роли «Педагогической Провинции» Гёте или «Касталии» Германа Гессе? В Центральной Европе нам пора обратиться к *Bildung*. Мне было бы трудно найти понятие, более соответствующее духу времени провинции и точнее относящееся к вызовам, которые это время перед нами ставит.

5

Отправившись в Сейны, мы обнаружили место, полное нерешённых дел прошлого, конфликтов, табуированных тем. Стараясь приблизиться к действительности, мы должны были постоянно взывать к памяти, которая оказалась неотъемлемой частью современного мира. Мы не создавали никакой экспозиции, никакого музея под открытым небом. Работали с молодыми над новым образом будущего и своего места в Европе. И чем больше открывали это место, тем больше мы — соучастники этого труда, дети, их родители и деды — проникались любовью и пониманием к людям, жившим тут, и к земле, которая их приютила. Конечно, не обошлось без боли, что некоторые травмы и напряжения сохраняются и в будущем. Но мы занимались — как заметил в своей статье о «Пограничье» Чеслав Милош — тем, «что в нашей части Европы есть первостепенное, конкретное, болезненное (szczegółowe, konkretne, bolesne), и притом животворное». Чтобы оно было животворным, мы должны были

оставаться на месте и приблизиться к очевидности в перспективе большой длительности (*długiego trwania*). Надо было открыть там для себя провинцию.

6

«Мир должен остаться романтизированным. Так обнаруживается первичный смысл. Романтизация — это качественное усиление. В этом действии низшее “я” отождествляется с лучшим “я”. Настолько, насколько мы сами — такое качественное усиление. (...) Придавая общим вещам высший смысл, привычным — таинственный облик, известным — обличье незнакомых, завершённым — вид незавершённости, мы тем самым романтизируем их». Читаю этот отрывок из «Саисских учеников» Новалиса, не единожды приводимый Марией Янион, и удивляюсь, как современно его мнение, как живо перекликается оно с тем, что я хотел сказать о провинции. Трудно не усмотреть в том, что я писал, — о традиции *Bildung* и органицизма (*organicznikowskiej*), о связи с прошлым и значении памяти, о началах и овладении новыми провинциями, — романтического духа. Только достаточно ли того, чтобы говорить о преемственности романтической парадигмы, о её продолжении? Сколько таких практиков провинции можно было бы найти сегодня? Конечно, не так много, чтобы можно было говорить об этом как о явлении, формирующем сегодняшнюю действительность. Однако мне не даёт покоя мысль, что если бы их было больше (что не исключено в перспективе нашей центрально-европейской эмансипации), появился бы собственный очаг романтической традиции, понимаемой не как срыв в безнадёжность, а как оформление новой провинции, которая возникла после 1989 года.

Почему время провинции так сильно связано с романтизмом? Вспоминаю себя маленьким мальчиком, стоящим на уроке физкультуры перед высоко подвешенной планкой для прыжков в высоту. Трудно мне было даже представить себе, что сумею. И я услышал голос учителя: «А теперь прыгает маленький телом, но великий духом» («A teraz skacze maly ciałem, ale wielki duchem»). Как будто я услышал Новалиса: «придавая общим вещам высший смысл». Кто лично пытался примерить себя к пространству провинции, тот знает, о чём говорю. Знает он также, почему мне остаётся только пожать плечами, когда слышу голоса, говорящие об анахронизме романтического взгляда, который по определению не подходит для современности. Мария Янион, автор книги «В Европу — да, но только с нашими умершими», проложила путь для продолжения романтической традиции, противопоставляя её беспамятству и равнодушию молодых поколений, нечувствительных к трагизму истории, который касался их предков. Этой дорогой должен идти и открыватель провинции. Его практика, однако, протекает в ином пространстве, чем кладбище, территория конца и исчерпанности. Помня, он живёт в атмосфере начинания, сотворения новой формы, динамического прокладывания тропинки в будущее — в пространстве провинции. Надеюсь, никто не припишет ему реакционности или намерения укрыться от мира, Европы и центра. Пробуждение к жизни новой провинции — это труд, выполняемый над «качественным усилением» центра, а также шанс на спасение этого центра от провинциализма.